

Хвощинская Н. Д.

Пансионерка

Повесть

1860

Хвощинская Н. Д. Повести и рассказы / Сост., подготовка текста, послесл., примеч. М. С. Горячкиной.-- М.: Моск. рабочий, 1984.

OCR Бычков М. Н.

I

Часу в шестом вечера, в начале мая, двое молодых людей бродили по саду, окружавшему один из домов города N. Вечер был очень хорош. Сад, хотя невелик, был запущен. Приятели долго шагали все по одной дорожке, часто цепляясь головами за нависшие ветки сирени. Один из них был гость; его костюм, изысканный, изящный, носил отпечаток Петербурга и казался даже странным среди неубранного пустыря, каким можно было назвать этот провинциальный сад. Молодой человек был недурен собою, держался чинно, прямо; прекрасные черные баки придавали ему еще более серьезный вид. Он был в шляпе и не снимал перчаток. Хозяин был меньше ростом, белокур, в стареньком сером пальто, без фуражки. Он хотя был моложе, но казался одних лет с гостем; его черты были очень красивы, но как-то смяты, лицо не бледно; но болезненно неровная, нетерпеливая походка довершала его несходство с гостем. Гостя звали Ибраев; он только недавно приехал в N на очень видное место. Хозяин назывался Веретицын и уже более года тоже занимал в N место, но очень невидное. Воспитывались они не вместе, познакомились давно, и в этот вечер виделись в первый раз после трех лет.

Ибраев рассказывал, как получил свое место, рассказывал с подробностями и, казалось, умножал их, чтоб продолжить разговор, для которого, кроме этого, не находил предмета. Веретицын слушал, казалось, внимательно, но без участия. Оба точно исполняли обязанность, празднуя вопросами и рассказами встречу после долгой разлуки.

-- Ты не устал ходить? -- спросил Веретицын, когда тот замолчал.

Ибраев устал давно, но не говорил этого из учтивости или потому, что не надеялся найти на чем сесть в этом саду.

-- Нет... да... Но в доме жарко,-- сказал он, думая о тесной комнате, в которой, придя за полчаса назад пред этим, нашел своего приятеля.

Веретицын отгадал его думу.

-- Садись здесь,-- сказал он, выводя его из-под сиреней на маленькую площадку, где стояла простая деревянная скамейка. Вокруг нее был насажен хмель, поднявшийся уж высоко по жердям; по земле стлалось множество лебеды и повители.

-- Садись ближе к середине,-- прибавил Веретицын,-- ножки вывертываются.

-- Хочешь? -- спросил Ибраев, доставая сигары.

-- Я не курю.

-- Давно ли? Ты был охотник.

-- Отстал.

Ибраев закурил; Веретицын стегал по траве тоненькой веткой, которую сломал с сирени; оба молчали. Это была одна из таких минут, когда припоминается и передумывается живее все, что сейчас слышалось или было перед глазами, припоминается и сравнивается с настоящим далекое прошлое, проходит натянутость, холодность первой встречи, узнается прошлый человек в постороннем, с которым сейчас, казалось, говорить было не о чем, которого расспрашивать было неловко... Ибраев смотрел на наклоненную голову приятеля; ему припомнился голубой околыш фуражки на этих волосах; последние пустые, односложные слова шевельнули в душе что-то далекое; показалось как-то совестно вести посторонний разговор...